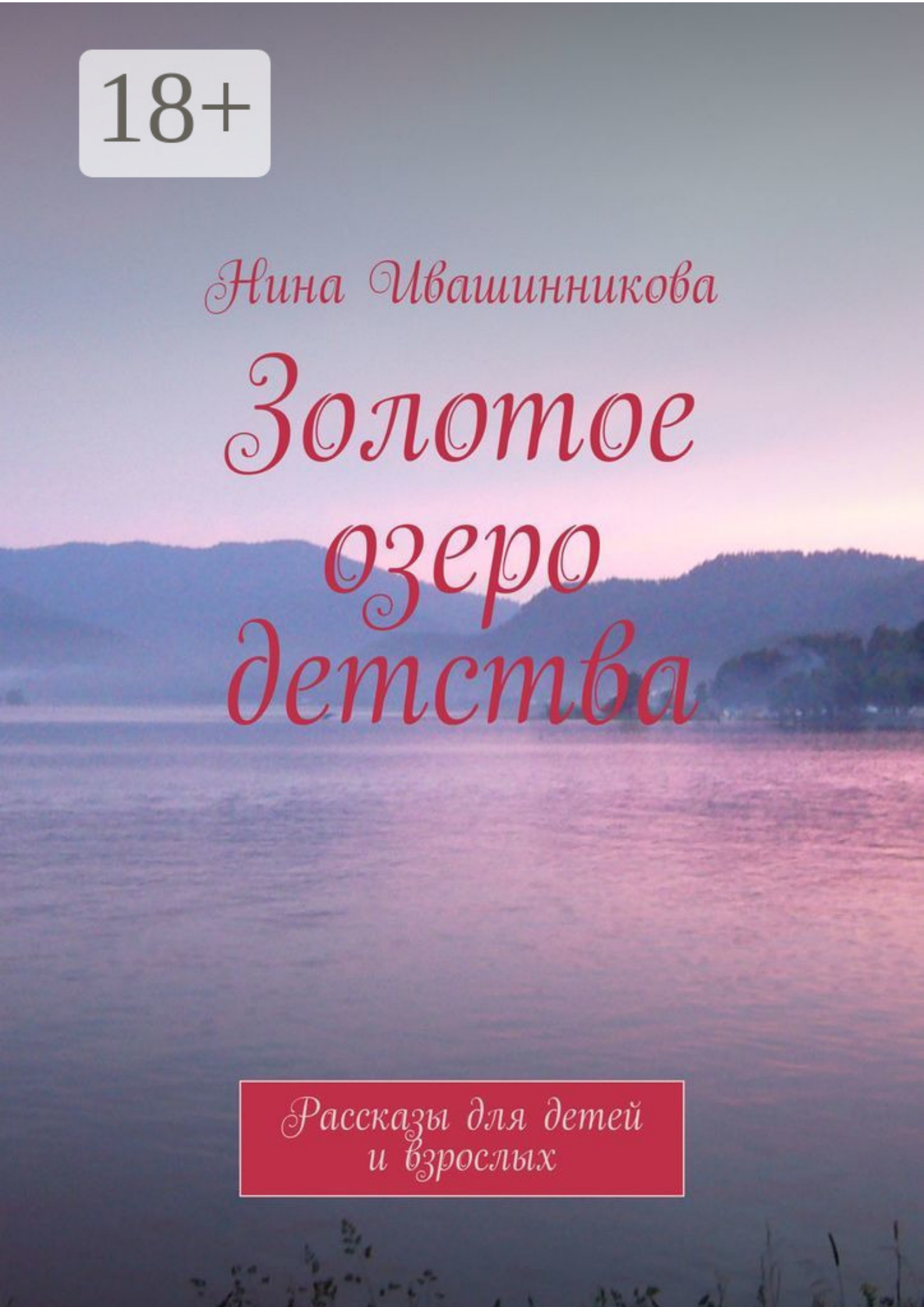

18+
Нина Ивашинникова
Золотое озеро детства
Рассказы для детей и взрослых

Нина Ивашинникова

Золотое озеро детства. Рассказы для детей и взрослых

«Издательские решения»

Ивашинникова Н.

Золотое озеро детства. Рассказы для детей и взрослых /
Н. Ивашинникова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-856196-2

Эта книга о маленькой девочке Нинке, самой обыкновенной, ничем не отличающейся от таких же детей того, давно прошедшего советского времени. О её жизни на Севере, о переезде в заповедное место Горного Алтая — Телецкое озеро. О забавных случаях, о семье и друзьях, о дружбе и любви. О её представлении о мире, переживаниях и разочарованиях. Если вы узнали себя или вспомнили давно забытые моменты своего детства, посмеялись или погрустили, значит, написана книга была не напрасно.

ISBN 978-5-44-856196-2

© Ивашинникова Н.
© Издательские решения

Содержание

Начало 6
Адольф 8
Сегежа 12
Мы едем, едем, едем! 15
Северяне 18
Прощание 22
Новый дом 24
Теплоходы 27
Деньги 30
Конец ознакомительного фрагмента. 31

Золотое озеро детства
Рассказы для детей и взрослых
Нина Ивашинникова

Мария Ивашинникова *Иллюстратор*
© Нина Ивашинникова, 2022
© Мария Ивашинникова, иллюстрации, 2022
ISBN 978-5-4485-6196-2
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Начало

Меня зовут Нинка, фамилия моя смешная, Моськина, я белобрысая коротко стриженная девочка семи лет. Вообще, моё имя мне не нравится. Вот бы назвали меня Белкой! Мне кажется, что это самое красивое имя для девочки. В пионерском лагере я познакомилась с девочкой по имени Изабелла. Все ребята её называли Белка, с того времени я тоже захотела быть именно Белкой. Дома я сказала:

– Зовите меня Белочкой!

– Козявка ты, а не белочка! – обозвал брат.

И правда, Белка Моськина – это совсем смешно. Фамилия меня смущала везде, где и с кем бы я ни знакомилась. «Ну почему моя фамилия, не Москвина, – размышляла я. – Звучит совсем по столичному, почти как Москва. И всего-то мягкий знак убрать да одну буковку добавить… Или еще лучше – Герман… Как красиво – Нина Герман! Почти так же, как Анна Герман». Её песни звучали из каждого радиоприёмника, и мама часто тихо напевала, стоя у плиты:

– Мама, а если бы я была Герман Нина Адольфовна?

– Почему Герман? Одна уже есть, а ты Моськина Нина, хорошая фамилия.

– Ага, хорошая. Почему тогда мальчишки смеются?

В общем, Имя, Фамилия и Отчество лежали на плечах как тяжёлый ненавистный смешной груз, от которого так хотелось избавиться.

– Слон и Моська! – смеялись ребята, когда в третьем классе проходили басни Крылова.

– Ах, Моська, знать она сильна, что лает на слона! – хором читали мальчишки, глядя на меня.

Я специально смеялась вместе с ними. Как смешно! Маленькая собачка нападает на огромного размера животное, не задумываясь о своей ничтожности! Я хохотала, и ребята уже не так шутили. Они не не понимали, почему мне, вместо того, чтобы огрызаться, обижаться на них, было также весело? Всё просто: смех и открытая улыбка порой служила защитной реакцией. Иногда, чтобы просто не разрыдаться, я улыбалась и смешила людей, которые говорили:

– Вот так Нинка, вот хохотушка!

Никто не понимал, что у этой хохотушки в душе. Да это и неважно. Важна сама картинка. Хотите? Будет вам картинка. Помните, как вы в детстве в цирк ходили? Самый смешной клоун тот, у кого самые грустные глаза. А он смешит детей и взрослых, обливаясь слезами с двух фонтанчиков у висков, неуклюже спотыкаясь и падая. Так и я, спотыкаясь и падая, вставала, и, вопреки ожиданиям ребят, которые смеялись над нелепой ситуацией, смеялась вместе с ними. А дома ревела, когда мама зелёнкой мазала раненые коленки.

– Нина, ну почему ты такая невнимательная? – вздыхала она. – Ты куда смотришь, когда идёшь? Ворон считаешь? Мало того, что новые колготки порвала, ещё и до крови ободралась.

– Мама, а ты всегда Моськиной была? – вдруг спросила я.

– Нет, до того, как за твоего отца замуж вышла, Лельчук была.

– Как Олег?

– Да, – засмеялась мама.

– Нет, Лельчук я тоже не хочу. Мам, а можно поменять фамилию?

– Можно. Вырастешь, выйдешь замуж и сразу поменяешь.

– Ага, поменяешь! – засмеялся Олег. – Вырастешь, Нинка, подойдёшь к парню и спросишь: «Какая у тебя фамилия?». А он ответит: «Киськин». А ты скажешь ему: «Киськин? А я Моськина! Давай дружить!», – и Олег громко загоготал.

– Олежка, хватит! Нина, наша с тобой фамилия добрая, хотя и смешная.

– Вот именно, смешная! Меня ребята даже Нинкой Гитлеровной обозвали! Ненавижу… – и я от злости сжала кулаки.

– А ты чего им ответила?

– Ничего. Засмеялась вместе с ними, вот и всё, весело же. Дураки!

Вообще ссориться я не любила, уж тем более драться. Драки – это вообще удел мальчишек, которые только и знают, что ставить друг другу синяки и ссадины. И даже смотреть на дерущихся пацанов не было никакого интереса. Вот брат у меня дрался. Дрался часто, с разными ребятами и по разным причинам.

– Эй, вы зачем к нам на Алтай припёрлись? – кричали мальчишки-алтайцы. – Катитесь к своим русским или тут живите по нашим правилам!

Олег дрался с алтайцами за право жить среди них. Я же с алтайцами дружила. Для меня они были такие же, как и все остальные ребята. И я для них тоже. Мы играли в прятки, догонялки, дочки-матери, просто болтали, и ни разу ни одна алтайка меня не прогоняла к русским.

– Стану постарше – боксом заниматься буду. Мамка перчатки купит, – говорил брат, стоя перед зеркалом в боевой стойке со сжатыми кулаками. – Всех их перелуплю.

– А я, когда вырасту, буду гимнасткой, – мечтала я, задрав нос к потолку. – Буду на бревне кувыркаться. Все станут говорить: «Вот идёт чемпионка мира Нина Моськина!», и скорее со мной фотографироваться! И фотографии на стене вешать.

– Нина, ты по земле сначала научись ходить, а уж потом на бревне, – вздыхала мама.

Она была права. Вообще я редко ходила, в основном скакала: два шага пройду, на третий подпрыгну. Или просто бежала. Поэтому колготки на коленях были всегда рваные, носки сандалий сбитые, а сами колени в незаживающих болячках. Но моя жизнь была самая интересная, и ни на одну другую жизнь я бы её никогда не променяла! Кроме фамилии, имени и отчества. С этого и начну…

Один раз в год сады цветут,
Весну любви один раз ждут.
Всего один лишь только раз
Цветут сады в душе у нас,
Один лишь раз, один лишь раз.

Адольф

Для меня эта самая тяжёлая и до конца не понятая глава моей жизни, в которой я так и не дала ответ – кем же был мой отец, какую миссию он выполнял на земле, и где прошли его последние дни. Попробую рассказать то, что помню сама или что рассказывала мама.

В тот далёкий тридцать восьмой год Моськин Николай и его жена Акулина родили на свет божий в Каргопольском районе Архангельской области сына; долго думал отец, как же назвать ребёнка, чтобы он с гордостью нёс и прославлял своё имя. И решил назвать его Адольфом, в честь основоположника и основателя тоталитарной диктатуры Третьего рейха; в то время многие верили, что второй мировой войны не будет. Так в тяжёлое предвоенное и военное время грузом легло фатальное имя на маленького ребёнка. Моськин Адольф Николаевич! Не Иван, не Василий, не великий Петр, а Адольф!..

Грянула Великая Отечественная война… Отец Адольфа ушёл на фронт, мать же, как и многие сельские женщины, стала работать на лесозаготовках. Тяжёлое было то военное время. Ходила страшная чёрная женщина по нашей необъятной Родине. Имя ей было СМЕРТЬ.

Не выдержала нелёгкой работы мама Алика (так ласково называла она сына) – суровой зимой слегла с чахоткой и в скорости умерла. Родной дядя мальчика жил тогда в Каргополе и воспитывал единственную любимую дочь. Взять ещё и осиротевшего пацана стало нерешаемой задачей и, подумав, сдал Адольфа в детский дом. Тяжёлая детдомовская жизнь началась у мальчишки: война, усмешки и побои от таких же сирот, как и он, ненависть к Гитлеру и отсутствие любящих родителей отложили на него свой отпечаток. Когда закончилась та страшная пора, овдовевший отец Адольфа уехал на Украину, обзавёлся новой семьёй и детьми.

Шло время. Наконец, отец решился забрать уже взрослого четырнадцатилетнего подростка к себе. Но оставленный когда-то сын, с чёрствой и израненной душой, отказался, объяснив, что боится ещё раз быть брошенным ребёнком. Злость и ненависть поселились в его голове не к отцу, а к родному дяде за то, что тот грел и кормил свою дочь, а его, родного осиротевшего племянника определил в детдом.

Как рассказывал мне со злой усмешкой позже отец, двоюродная сестра прожила недолго, умерла от болезни, а он, закаленный и битый парень, как камень, стал твёрдым и неуязвимым. В четырнадцать лет решил пойти в море матросом по Северному морскому пути, в то время много мальчишек бредили морем. В восемнадцать пришла пора идти в армию. Служил отец в Белоруссии, в городе Молодичное, где часто приходилось отношения с сослуживцами выяснять с помощью кулаков; спорить отцу не хватало терпения и по два раза он объяснять не любил, проявляя в отношениях с некоторыми однокашниками жестокость и злобу. По окончании службы приехал в Мурманск и поступил в среднее мореходное училище. Легко давалась учёба отцу, по окончании его в шестьдесят четвёртом году поступил на третий курс Высшего мореходного училища. Так, в шестьдесят девятом году из стен училища вышел молодой специалист, судовой электромеханик Моськин Адольф Николаевич. Казалось, жизнь определена, профессия нужная и интересная, друзья надёжные, шумные компании с песнями под гитару и к тому времени молодая жена. Живи и радуйся! Не будем забегать вперёд….

Друг по училищу, Марик Лельчук, приехавший в Мурманск из Гродно, в шестьдесят четвёртом много рассказывал о своей невесте, двадцатидвухлетней красавице Ларисе, с которой у него были уже близкие отношения, походы в обнимку за грибами, нежные поцелуи на тёплом сентябрьском мхе. Рассказывал и о будущей свадьбе, а Адольф, зажав губами папиросу и прищурив глаза от едкого табачного дыма, слушал его, перебирая тонкие струны гитары. У Алика тоже была девушка, но связывать с ней свою жизнь он не торопился, и даже её беременность никак не повлияла на его жёсткий выбор.

– Пойдём к Ларисе? – приглашал Марк, – у неё мама портниха от бога, прострочит твои брюки, иначе ты скоро их оттопчешь. Часто потом они вдвоём приходили на улицу Воровского 13, в маленькую однокомнатную квартирку на втором этаже, где жила улыбчивая девушка с мамой Ниной Петровной. Отец девушки умер, не дожив и до сорока пяти лет ещё в далёком сорок девятом. Алик тогда уже обратил внимание на маленькую миниатюрную красавицу с вьющимися короткими волосами, собранными на макушке в боб. Наблюдал, как Марк похозяйски и уважительно ведёт себя в гостях, и играл. Гитара была его другом долгие годы, пока он в пьяном угаре не разбил её вдребезги. Но это было потом. Он непростительно много стал думать о той девушке и ждать.

После нелепой ссоры Марк хлопнул дверью и ушёл. Наверное многие женщины знают, что такое расставание, особенно когда носишь под сердцем ни в чём не повинное дитя. Так случилось и с Ларисой: лишь спустя четыре месяца после расставания она неожиданно поняла, что уже не одна, что ответственна теперь за новую маленькую жизнь.

– Мамочка! – плакала Лариса. – Что же делать?

Нина Петровна всю ночь не спала и на утро отвела девушку в больницу на решение этой проблемы, но доктор лишь равнодушно покачал головой:

– Нет, помочь я вам ничем не могу. Слишком большой срок. Надо было раньше думать, мамаша. И риски есть – вообще больше детей не иметь…

Лариса всю дорогу домой проревела и решила: нужно встретиться с Марком и помириться. У ребёнка должен быть отец. Собрала волю в кулак и назначила Марку встречу, на которой узнала то, к чему не была готова.

– Ларочка, милая. Если бы немного раньше. Ведь я ничего не знал о ребёнке, ведь правда?

Лариса, опустив глаза, молча кивнула.

– Я сама, Марик, не знала. Но неужели нельзя всё вернуть? Поженимся, я летом рожу, мама сказала, что будем жить у нас…

– Ларочка. Я скоро женюсь…

Дальше Лариса уже ничего не слышала…

Речь шла о предстоящей свадьбе с Зиной, уверенной, красивой девушкой, с которой он познакомился в кафе «Юность», где та работала официанткой.

– Хорошо, – подумав, сказал Марк. – Только не плачь, пожалуйста.

Он обнял девушку.

– Давай распишемся, как ты хочешь. Родишь, запишем ребёнка на мою фамилию и расстанемся… Лариса, только так. Я буду помогать, обещаю. Ты мне веришь?

– Верю, Марик. – тихо прошептала девушка.

Так и случилось. Много Лариса плакала той весной, рассуждая: «Почему так несправедливо? За что судьба так со мной?» Молодая, но уже одинокая мать не видела радости от ребёнка, слишком неуверенно стояла она на ногах, полностью зависима от мамы, без образования и средств.

Спустя день после родов раздался звонок по телефону от Марка с просьбой назвать сына Олегом и обещанием всегда помогать ребёнку. Так на свет появился мой брат. Рос он слабым, болезненным мальчиком, но любимым самыми близкими – мамой и бабушкой! Нина Петровна души не чаяла в Олежке, нянчилась с ним, читала сказки, штопала штанишки – какое это было счастье – внук!

– Посмотри, как Олежка на тебя похож, – радовалась бабушка. – Наша порода – Батырхины!

В то время и появился на пороге их квартиры Алик, заботливый и весёлый молодой человек. Он, как назло, рассказывал о счастливой семье его друга Марка, чем доставлял нестерпимую боль Ларисе. Она молчала, а по ночам тихо плакала. Плакала от обиды и несправедливо-

сти, о другом, любимом, о предательстве и одиночестве. Однажды всё перевернулось. Адольф, прищурив воспалённые веки, сказал твёрдо:

– Лариса, послушай: я один. Ты тоже одна. Олежке года ещё нет. Я готов стать ему отцом, а тебе верным товарищем. Я люблю тебя.

Так в марте шестьдесят седьмого года мама снова стала женой и спустя четыре года второй раз матерью. На свет появилась я.

Сегежа

Мой отец часто ходил за границу судовым электромехаником: в Норвегию, Данию, Польшу. Мне было всего два месяца, когда мы с мамой впервые полетели в Гданьск, где отец ремонтировал судно. Оттуда мама привезла вещи, которые достать в Советском Союзе было невозможно: польские портьеры, скатерти, кофточки. Казалось, что мы благополучная советская семья. Одна мама так не думала. Папа начал безудержно пить. Всё закончилось в один день, когда на лестничной площадке пьяный отец ударил по голове спускающуюся старушку, которая по своей старческой непосредственности сделала отцу колкое замечание. Бедняжка от удара свалилась на лестницу и кубарем покатилась вниз. Суд признал отца виновным в нанесении тяжких телесных повреждений и отправил его на исправительные работы художником на целлюлозно-бумажный комбинат в Сегежу, маленький серый городок в Карелии. У отца был талант к рисованию: эскизы и наброски карандашом кучкой лежали под родительской кроватью.

Так мы всей семьей переехали из большого северного города на Баренцевом море вслед за нашим отцом. Мама с болью в сердце прощалась со своим родным городом, при этом отец успокаивал:

– Ничего, Лариска, через два года вернёмся!

Один Бог знал тогда, что мама попрощалась с Родиной навсегда.

Я, четырёхлетняя девочка, и мне все равно, куда мы переехали, в какой квартире живём. Мы – вместе, и это главное. Мама сразу определила меня в детский сад, Олега в школу, а сама устроилась в местный книжный магазин продавцом. Какие книги стали появляться у нас дома! Большие и маленькие, с яркими иллюстрациями, я перелистывала их и как будто читала эти сказки: Шарль Перро «Золушка» «Конёк-Горбунок» Ершова, «Поросенок Плюх» и ещё много разных книг. Появилась целая библиотека! Мой брат обожал читать, порой, до самой ночи сидел, склонив голову над очередной сказкой, которую мама приносила из магазина.

– Учись, Нинка, читать, много книжек интересных. Будешь умная, как я, – с гордостью говорил Олег.

Из окна нашей двухкомнатной квартиры мы с братом часто наблюдали за парашютистами – много их спускалось из-под небес, как маленькие лёгкие белые одуванчики летели они на землю, слегка раскачиваясь в воздухе. С другого окна под нашей квартирой находился магазин, и крыша его служила нам балконом; я спускалась на неё и рассматривала прохожих, идущих по улице.

Вспоминаю, как в детском саду у меня появился первый жених Мишка. Он, сидя в песочнице и строя башни, отмахивался лопатой от нас, пытающихся залезть в песочницу детей. Не повезло, конечно же, мне. Со всего маху Мишка огрел меня по голове железным торцом лопаты, кровь потекла тёплой струёй на бровь. Я схватилась за голову и села. Боли не было. И страха от заполненного кровью глазом тоже. Интересно, как я теперь буду жить с такой головой? Что скажет папа? В тот момент я поняла, что Мишка мне женихом никогда не будет… То был первый памятный «подарок» – шрам у виска длинной в палец, оставшийся на всю жизнь.

Или другой случай: такое бывает, наверно, в каждом детском саду, когда у воспитателя появляются любимые дети. Не то что их любят, а тебя нет, просто к тебе равнодушны или не замечают вовсе, а любимчиков выделяют, ставят в пример, угощают, обнимают и целуют. Так было и со мной. В любимчиках я не была, скорее наоборот. Ну как можно любить маленькую некрасивую девочку без косичек, с торчащими во все стороны волосами и грызущую ногти?

Однажды воспитатель сказала детям:

– Посмотрите, ребята, что я вам принесла, – и весело показала металлический кукольный чайник. – Сегодня я подарю его ребенку, который целый день будет стараться и не получит ни одного замечания.

Этим счастливчиком должна быть я! По крайней мере, мне очень этого хотелось. Целый день я старалась, выполняя все указания воспитателя: подчищала хлебушком края тарелки, ложилась в кровать, заводя руки за голову, как учила нас воспитатель. Правда, не спала, а всё думала о подарке. После полдника воспитатель сказала:

– Я хочу чайничек подарить самой послушной девочке – Валечке!

Я нахмурила брови.

– Но я тоже старалась! – с горечью в голосе возразила я.

– Конечно, тебе, Ниночка, коробочка от чайничка, – сказала воспитательница. – Она тоже очень полезная.

Вечером я принесла коробочку домой.

– Папа, пожаловалась я, – я хорошо себя вела, но чайник достался Вале.

– Ну и дура ваша воспитательница! – сказал отец. – Так ей и передай. Не ной!

По выходным я часто гуляла во дворе дома с подружками, придумывая разные игры. Однажды увидела, как соседская девчонка что-то аккуратно складывает в ямку. Подбежала и спросила с любопытством:

– Что ты там копаешь? Можно мне посмотреть?

– Это секрет! – гордо ответила та. – Я взяла у мамы золотую цепочку, положила её в ямку, закрыла стеклом и присыпала песком, а сверху положила камушек, чтобы место не забыть. Буду заглядывать туда, сколько хочу.

Она не знала, что это теперь был и мой секрет. Одна, попросившись у мамы погулять, выбежала на улицу, глазами нашла холмик с камушком, едва заметный среди деревьев, и тихо склонилась над ним. Огляделась по сторонам и робко отгребла песочек; я долго смотрела на цепочку сквозь прозрачное стеклышко… Через несколько дней секрет куда-то исчез. Долго рыдала соседская девочка, получив хорошего ремня за потерянную золотую мамину вещь.

В нашем серванте в вазочке лежали золотые часики, свадебный подарок маме. Стрелка у них давно сломалась, и часы тихо ждали ремонта. Однажды мой взгляд упал на них. «А что, – подумала я, – надену их на руку и пойду гулять». Прогуливаясь около магазина, я увидела мальчика, на груди которого был пристёгнут круглый значок-переливашка. О таком великолепном значке со слонёнком, который при повороте еще и подмигивал, можно было только мечтать!

– Мальчик, а можно у тебя взять поносить этот значок? – робко спросила я.

– Нет, – фыркнул тот. – Ещё чего! Он у меня один.

Я достала из кармана часы.

– А на часики поменяешься?

Незнакомец повертел в руках мою вещицу, приложил к уху и противным голосом сказал:

– Не тикают. Сломаны, наверно. Ладно, меняемся, – и, отстегнув значок, протянул его мне. – На, держи.

Я, счастливая, помчалась домой.

– Мама, смотри, у меня новый значок со слоником!

– Красивый, – равнодушно ответила мама. – Где же ты его взяла?

– На твои сломанные часы поменялась! – с гордостью воскликнула я.

– Часы?! – закричала мама.

Дальше я помню, как жёсткий ремень в руках отца обжигал мою ни в чём не повинную попу.

Тогда же я впервые напилась пива. Допьяна, так хотел папа. Он сказал мне однажды, слегка заплетающимся языком:

– Нинка, ты моя плоть и кровь, и ты пройдешь моей дорогой, хочешь ли ты этого или нет.

Я пробовала возразить:

– Но я не хочу. Я девочка…

И вмиг была подстрижена наголо ручной машинкой.

– Всё, сказал отец, – ты лысая как я. Да не реви, лучше выпей!

Я глотнула горькую жидкость, с виду похожую на лимонад, и сквасила лицо.

– Что, не нравится? – засмеялся папа. – Пей давай!

Я, зажмурив глаза, залпом выпила стакан. Через пять минут папа куда-то поплыл, стало безразлично уже, лысая я или с волосами. Я еле доплелась до кровати и провалилась куда-то в тёплую сонную пучину.

Утром меня с братом кто-то ударил по голове. Ничего не понимая, спросонья, я заревела. Следом заревел брат. Напротив кровати стоял пьяный отец, сжимая от злости кулаки:

– Вставайте, сукины дети. Завтракать!

Мы со слезами сели за стол. Есть не хотелось. Я, всматриваясь в тарелку с творогом сквозь застывшую призму слезы, вдруг представила белый дворец, в котором живёт принцесса, и ложкой начала строительство. Не успев прокопать ров вокруг моего строения, получила второй удар ложкой по голове.

– Ешь, я тебе сказал!

Со страхом и болью я съела дворец бесследно.

Я представляла папу страшным Карабасом – Барабасом, когда он со всей силы пинал маму в живот, а меня за лямки комбинезона подвешивал на крючок вешалки. Что я чувствовала тогда? Сложно вспомнить. Мне жалко было её, маленькую полную беззащитную женщину, рано похоронившую мать, родившую на свет детей и не имеющую сил защитить их от «любящего» отца. Это были тяжёлые годы перемен в сознании нашего папы, власти алкоголя, описанные от страха матрасы, и безусловная служба и подчинение нашему великому мучителю – Адольфу.

Мы едем, едем, едем!

Шёл семьдесят шестой, второй год исправительных работ отца в Сегеже. Мама с нетерпением ожидала возвращения в родной Мурманск, мы с братом – новых книжек и игр, у отца же в голове зрели совсем другие планы.

Отец часто с товарищем по комбинату уезжал в карельские леса охотиться на зайцев. Однажды, заглянув в ванную, я увидела на полу бедолагу – тот лежал с окровавленным боком и безжизненно вытянутыми задними лапами. Я быстро закрыла дверь.

– Мамочка, мне страшно, – прошептала я, – пусть папа его вынесет!

Уже вечером безмолвно ели семьёй приготовленное мясо.

Не знала я в то время, что, со слов папы, мама была неизлечимо больна. Действительно, в послевоенном детстве перенесённый туберкулёз давал о себе знать. Ларочка росла очень болезненным и слабым ребёнком, часто ездила в санатории, Нина Петровна как могла поддерживала здоровье девочки. Но бабушка умерла, едва мне исполнилось девять месяцев, и за «лечение» взялся отец. Он точно знал, что мясо собак исцеляет от болезни лёгких, и многие туберкулёзники спасли свою жизнь, поедая именно собачатину. Оказалось, что наш отец таким варварским способом «лечил» всю нашу семью! Позже, понимая весь ужас того времени, я так и не смогла оправдать нашего «лекаря». Но в то время мы, не зная папиных идей, полностью слушались и подчинялись. И старались его не огорчать. Иногда это получалось.

Однажды отец разложил на столе географическую карту. Огромная, во весь стол, легла она поверх скатерти и раскрыла свои яркие границы: горы и леса, реки и синие моря. Мы долго с любопытством рассматривали её, затем отец сказал:

– Олежка, смотри вот сюда, – и пальцем ткнул в яркую разноцветную картинку. – Это Алтай! Вы представить себе не можете, что это за край такой! Кругом тайга, медведи, волки, и ты с топором идешь по лесу!

– А если без топора? – испуганно спросила я.

– Без топора, Нинка, тебя звери как соплю размажут! – и хитро прищурившись, продолжил: – я повезу вас в Сибирь. Только там Лариса излечится, вы будете закалёнными, я устроюсь на работу художником и маму куда-нибудь приткнём – работы всем хватит. Там, главное, людей мало, не то что здесь, ненавижу их! Чем больше познаю людей, тем больше нравятся собаки, – рассуждал он, стряхивая пепел в консервную банку.

Так за несколько дней родители в спешке собрали всю мебель, библиотеку и вещи в огромный контейнер и отправили его по адресу: город Бийск Алтайского края. Закрыли квартиру, и поехали в далёкую Сибирь. Начался следующий невыносимо тяжёлый период нашей жизни. Жизни в заповедной тайге.

Поезд! Какое спокойствие испытываешь, когда слышишь мелодичный перестук колёс, ощущаешь плавное покачивание тела, лёжа на твёрдой поверхности вагонной кровати, видишь мелькание ярких картинок за окном и неизвестность! Мы с Олегом не отходили от окна. Четыре дня играли в игру, которую сами придумали и назвали: «что вижу, то моё.»

– Моя корова! Мой грузовик! Мой мотоцикл! Мой дом! – орал в форточку брат. Я орала не меньше:

– Моя кошечка! Мои цветочки! Моя берёза!

Это была весёлая игра. Ещё мы хором пели песню, высунув лицо из форточки и, захлёбываясь встречным тёплым ветром:

Нам было интересно рассматривать нашу Родину – разноцветную, шумную, многолюдную. Москва! Каким ярким отпечатком осталась она в моей детской памяти. Эскимо на палочке, которое нам с братом купила мама, было самым сладким подарком. Мы облизывали гладкое холодное лакомство и урчали от удовольствия.

– Нинка, капаешь! – делал замечание Олег. – Держи ладошку как я.

Облизывая ладонь и палочку, долго потом вспоминала этот сладкий вкус московского лета… Зоопарк! Вцепившись с двух сторон пальцами в металлические решётки и просунув между ними лицо, мы кричали:

– Смотри, Олег! Пингвин смешно ходит! Ой, к нам идёт! Я сейчас со смеху лопну!

– Смотри, обезьяны вши ищут! Ой, умора!

Так мы с братом и мамой весело проводили время, ожидая пересадку на следующий поезд.

Снова поезд, снова перестук колёс, качающиеся стаканы с чаем и варёные яйца, картошка, хлеб и меняющиеся папины бутылки – так ехала наша семья в далёкое путешествие в августе семьдесят шестого года.

С удивлением обнаружили мы, что берёзы вместо кривых карликовых становились высокими и стройными, солнце ярким и тёплым. Менялся разговор и одежда людей, даже пирожки на разных станциях были по-своему неповторимые! Всё шло прекрасно, пока мы, медленно проезжая незнакомую станцию, не увидели идущую на забой корову. Огромной кувалдой мужик ударил бурёнку по голове, та грузно завалилась на бок и замычала. Сердце моё остановилось. Такого ужаса я не готова была видеть. Я закрыла лицо ладошками и уткнулась в подушку. Дальше я слышала, как отец уже с братом продолжал разговор про коровью шкуру и тушу.

А ещё через день в вагон зашли два милиционера и вывели под руки отца, бранившегося на них на чём свет стоит.

Через четверо суток поезд высадил нас одних, без папы, на последней незнакомой станции в Бийске. Мама долго бегала по платформе в надежде договориться с водителями грузовиков отвезти нас на намеченное отцом место. Какой-то дядька, заигрывая с мамой, забросил наши кульки в кузов, завёл двигатель машины, и мы поехали дальше. За долгие восемь часов, которые мы тряслись по колейной дороге в горный Алтай, мама рассказала водителю всю свою нелёгкую жизнь, вытирая ситцевым платком вспотевшее лицо.

– Да, Лариса Васильевна, вы чудо-женщина, – приговаривал водитель. – Занесло же вас! Ничего, посидит пятнадцать суток ваш дебошир и вернётся. Таких долго не держат. Говоришь, печь не топила ни разу? Научишься! Берёза хорошо горит, трещит, тепла от неё много. Буду в Артыбаше, зайду, научу тебя хозяйство вести.

Я слушала их разговоры и молча смотрела в окно. Красотища! С одной стороны, мы проезжали мимо белых обломков скал, поросших кустарниками, баданом и ярко-зелёной травой, с другой стороны, степенно несла свои холодные прозрачные воды Бия, красивая, местами порожистая река. Мы с Олегом уже не играли. Просто мысленно принимали всё увиденное и, заглядывая наперед в недалёкое будущее, были поистине влюблены в эти ставшие с годами родные места. Далёкие края! Встречайте нас! Мы приехали!

Мы едем, едем, едем, в далёкие края.
Хорошие соседи, весёлые друзья!

Северяне

Судьба подарила нам подарок – целых две недели, пока мы ждали приезда папы, мы жили у гостеприимного дяди Вани, работника туристический базы «Золотое Озеро». Впервые тогда увидели мы настоящие горы – они окружали нас повсюду. Если окинуть взглядом всю местность, то можно представить, что ты находишься внутри огромной горной тарелки, на самом её донышке, у зеркально чистого, бросающего миллионы блёсток озера Телецкое. Вид впечатлил нас.

– Мама, мы будем изучать эти места? – спросила я.

– Конечно, будем. Вот папа приедет, договорится с работой, нам дадут новый дом, мы расселимся, и бегайте, изучайте!

В маминых глазах радости было мало. Скорее, грусть и тоска по Северу, страх от неизвестной таёжной жизни.

Спустя две недели нашего пребывания на турбазе к нам приехал отец, злой и уставший. Он сжимал в зубах сигарету и говорил:

– Представляешь, Лариска, этот гад обещал новый дом! А теперь говорит, что дом заняли! Как можно верить людям? Ещё директором лесничества называется! Бошку оторвать бы такому директору!

Мама сидела на краю скамейки и вытирала слёзы подолом от халата. Это был мой любимый мамин халатик, жёлтый с красной окантовкой. Он был сильно поношенный, но такой родной, пропахший её потом, сладковатым и до боли знакомым и любимым.

Я залезла к ней на колени и спиной прижалась к её груди – большой, мягкой и тёплой.

– Нина, слезай, – сказала мама, – мне надо вещи собирать. Куда мы теперь, Алик?

– Выход всегда есть! Не реви ты, и так кошки на душе скребут, – сказал отец и прижал окурок ко дну пепельницы. – Тут в соседнем посёлке домик продаётся всего за семьдесят рублей, на Школьной улице. Одевайся, пойдём смотреть. Перезимуем в нём, а следующим летом переедем в большой дом. Я с этого гада так просто не слезу!

Так мы вчетвером переехали из просторного уютного дома дяди Вани в старый покосившийся домик, скорее напоминавший избушку Бабы Яги, чем жилище, пригодное для людей. По углам малюсенькой комнаты росли самые настоящие грибы.

– Олег, смотри – грибы! Так бывает разве? Они же в лесу растут, я точно знаю.

– Не знаю, Нинка. Разные грибы бывают. Ну и запах здесь стоит!

Папа с каким-то дядей занесли нашу просторную двуспальную кровать, которая заняла почти всё место в комнате. Кровать не смогла пережить переезда – стройные ножки отломились, и она всем телом рухнула на пол.

– Пока так пусть стоит, – махнул рукой папа, – потом что-нибудь придумаем. Матрац цел и ладно.

С другой стороны поставили тяжёлый трёхстворчатый шифоньер, лакированный и солидный, с зеркалом на внутренней левой двери – он встал величественно и важно, верхней крышкой упёршись в потолок. Шкаф как будто бы говорил:

– Да уж, тяжёлая ноша легла на мои плечи! Я, благородный немецкий шифоньер, не готов жить в этом сыром помещении! Я отсырею и погибну! Ваши переезды оставили неизлечимые шрамы на моей красивой лаковой двери, кто их теперь залечит?

Но у него, как и его хозяев, выхода уже не было.

– Лариса, помоги мне пододвинуть кровать к окошку! Около печи жарко будет, может загореться, – сказал отец. – Навались всем телом как я, и толкай сильнее. Да не ленись ты, и – раз, и – два!

– Алик, я не могу, тяжело, – причитала мама, смахивая пот со лба.

– Не могу! А кто может? Сказал – толкай!

Мама покорно склонилась перед кроватью, обхватив руками лакированную спинку.

Вскоре вся мебель была расставлена, на тумбочке водрузился «Горизонт», большой телевизор, купленный в Сегеже по счастливому случаю. Вещи аккуратно разместились по местам; на окнах появились портьеры, серые, с огромными алыми розами, наклонившими свои бутоны вниз. Шторы нижним краем легли на пол, и наша избушка стала походить на жилое помещение.

– Лариса, пока с работой туго, – сердито говорил отец. – Меня обещали в новую школу художником-оформителем устроить, директор просил немного подождать, пока она построится. Есть место в кочегарке, я в ночную смену буду ходить, а ты – в дневную. И работа, какая-никакая, и дети под присмотром.

Так мама стала работать кочегаром. Я часто прибегала к ней в котельную, сидела на деревянной лавке, застеленной поверх тяжёлой стёганной фуфайкой, и с изумлением смотрела, как она своими маленькими руками берёт большую лопату, загребает уголь, и специальной варежкой – верхонкой, открыв дверцу печи, забрасывает уголь в топку.

Вечером уставшая, с чёрными, как смоль руками, мама возвращалась домой, а отец шёл к ней на смену.

Наступила золотая осень, всё шло своим чередом: родители работали, мы с братом познакомились с детьми, бегали по улицам посёлка, а новые соседи вслух стали нас называть Северянами.

Я быстро привыкла к нашему новому жилищу, к постоянному запаху сырости и к большой фляге, стоявшей в углу за кроватью.

– Как из неё противно пахнет, – сказала как-то я маме, – я открыла её, а там пузыри и кислым воняет.

– Ладно, Нина, и это переживём, – вздыхала в ответ мама.

Темным октябрьским вечером мы ждали маму с работы, я играла с моим «ребёнком» – маленьким резиновым пупсиком с тёмными нарисованными волосами, подвижными ручками и ножками.

– Нинка, ты почему ещё не в кровати? – сидя на кухне с соседом и разливая ковшом содержимое фляги в стаканы, спросил отец.

– Я не усну без мамы… – ответила я и продолжала вырезать ножницами дырочки в тряпке – новое платьице для малыша.

В следующий момент папа выхватил моего пупсика и, открыв дверцу печки, забросил его в огонь.

– Папа! Папочка! Вытащи его! Он умрёт! – орала я и, хватая папу за руку, упала на колени.

Сквозь яркую щель печной дверцы я видела смерть моего малыша – безмолвного, беззащитного, безвинно сожжённого пупсика. С ним мысленно горела и я.

Отец отбросил меня на кровать и сел за стол.

– Вот, Миша, такая жизнь, кругом гниды. Думал, здесь люди лучше, нет, ошибся. – И, сжав кулак, со всей силы ударил по столу так, что стаканы подпрыгнули и задрожали.

Я залезла под одеяло и плакала от горя до тех пор, пока не уснула, несчастная и опухшая от слёз.

Утром мама так и не пришла… Она работала в кочегарке ночью вместо пьяного отца, а утром снова осталась в свою смену.

Рубцы ложились на мою детскую душу один за другим, для нас жизнь в страхе стала нормой, мы не понимали, что можно жить иначе.

– Лариска, Нинка, идите в баню! Там горячо уже! – крикнул со двора отец.

Мы с мамой пошли через огород вниз к краю забора, где, перекосившись на один бок, стояла бревенчатая банька с низкими дверьми и маленькой дырой вместо окна.

Как обычно, мама поставила меня в таз и, набрав в ковш воды, поливала сверху на волосы.

– Нина, ты почему такая грязнуля? Ты же девочка, – приговаривала мама, намыливая мне голову. – Где ты бегаешь всё? Посмотри на Олега и на себя. Он опрятный, хотя мальчик.

– Мам, жарко, – сказала я. – Смывай скорее, я хочу выйти!

Мама ополоснула меня тёплой водой, накинула полотенце и толкнула плечом дверь.

– Нина, помоги мне, не могу открыть!

Мы вдвоём со всей силы навалились на покрытую сажей деревянную дверь, но она не сдавалась.

– Мама! Нас заперли! Я не могу уже!

– Нина, ложись на пол, там не так горячо! – с дрожью в голосе сказала мама и, прижав лицо к маленькому отверстию под потолком, закричала во весь голос:

– Помогите! Люди! По-мо-ги-те!

Через несколько минут мы услышали голос соседа, который подбежал к бане и убрал бревно, подпиравшее дверь. Он выпустил нас из невыносимого плена.

– Кто это вас замуровал? Так и угореть недолго! Хорошо, я в огороде был – услышал, а если бы в избе? Считай, каюк вам! Эх, Северяне, добавилось же с вами хлопот!

Не помня себя от ужаса, мы, чёрные от сажи, полуголые, побежали домой. За столом спал пьяный отец, опустивши голову на сложенные руки, и громко храпел.

На один рубец в тот день стало больше…

Наступила зима. Настоящая сибирская зима, с трескучими морозами под сорок градусов и обильным снегопадом. Снегу в ту зиму семьдесят седьмого года выпало столько, что наш домик засыпало по самые окна.

Из одежды у меня было только осеннее пальтишко красного цвета с аппликацией из кожзаменителя на карманах, мама надевала под него три кофты, на ноги натягивала шаровары, валенки, на голову синтетическую розовую шапку на огромной пуговице, а под неё красный ситцевый платок.

– Нина, платок обязательно нужно надевать, чтобы уши не продуло. Помнишь, в Сегеже, как ты плакала?

Я сразу вспомнила себя маленьким ребёнком, плачущим в кроватке от невыносимой ушной боли. Мама тогда повязывала на голову тот красный платок.

– Ладно, надену.

Платок почему-то вылезал из-под шапки, я то и дело запихивала его обратно.

– Мама, тут все дети шубы носят. Я мёрзну в этом осеннем пальто! Я тоже шубу хочу, такую кудрявую, каракулевую.

– Шубу на следующий год купим, а пока подойди ко мне, я кое-что придумала.

И мама поверх моей одежды повязала крестом свою серую шаль, завязав концы шали на спине.

– Теперь точно не замёрзнешь, иди, гуляй, Нина!

Мы с братом, взяв за верёвку старые санки с разноцветными рейками, помчались к большому спуску, ведущему вниз к больнице.

– Нинка, давай я лягу на санки, а ты сверху садись, мы вместе будем скатываться, – предложил Олег, и лёг животом на сани.

Я села на его спину, намотала поводья на варежки, Олег руками оттолкнулся, и мы покатились вниз!

А-а-а! – орали мы, съезжая с огромной горы.

Потом по очереди везли сани в гору и снова скатывались, потом снова везли, и так до самого вечера. Как нам было весело!

– Нинка, побежали на озеро? – звал Олег в другой раз. – Там, ребята говорили, лёд такой толстенный – целых пять метров! Будем на рыб смотреть.

И мы по заснеженной дороге сбегали вниз к озеру.

Телецкое озеро! Алтын-Коль, Золотое озеро, как называли его местные жители – алтайцы, прозрачное и холодное, глубокое и живописное. Какие ветра поднимаются над его поверхностью! Кажется, что твоё лицо одним дуновением ветра превращается в замёрзшую маску. Мы полюбили наше поистине золотое озеро на всю жизнь!

– Нинка, ложись навзничь! – крикнул брат. – Будем на тайменя смотреть! Ребята сказали, здесь таймень и хариус во-от такого размера! – Олег развёл руки в стороны.

– Поняла? А вокруг озера, Нинка, заповедник, – со знающим видом продолжал брат. – Вот наступит лето, будем с отцом в тайгу ходить, он меня охоте научит.

– А я боюсь тайгу. Чтоб меня медведь растерзал? Ну уж нет! Я лучше купаться буду. Олег! Дно вижу! – с восторгом воскликнула я и, прикладывая ладони к вискам, внимательно всматривалась в прозрачный лёд.

Но Олегу так и не суждено было сходить с отцом на охоту, в ту суровую зиму семьдесят седьмого года наша семья осталась без отца, а Олег стал главным мужчиной в нашем доме.

Прощание

К появлению в нашем доме приятеля по пьяным разговорам, соседа дяди Миши, мы привыкли. Ни один вечер без него уже не обходился – засыпали мы под шумные разговоры и пересуды двух пьющих людей – отца и сутулого худого человека в мятой рваной одежде. Иногда дело доходило до кулаков – бедняга еле отворачивался от тяжёлого кулака отца. Спорить с ним было нельзя, отец всегда оказывался прав.

– Если человек не понимает с первого раза, Олежка, ему нужно объяснить кулаком. По два раза я объяснять не люблю, – говорил отец брату.

Трезвый дядя Миша спорить и не собирался, но с каждой рюмкой язык становился развязным, и соглашаться с Аликом он уже не хотел. За что и получил однажды табуреткой по голове.

Я научилась на их разговоры не обращать внимания, даже когда началась драка, старалась спокойно сидеть в уголке.

– Да как ты можешь так мне говорить, гнида! – кричал отец. – Ты даже одного адова круга в этой жизни не прошёл! – и отец кулаком ударил приятеля в лицо. Тот повалился на пол, прижал ладони к разбитому носу и тихо ответил:

– Алик, пожалуйста, не бей! Ты прав, я подонок, я ничего не видел!

Отец открыл дверь и вышвырнул за шиворот истекающего кровью соседа на крыльцо.

Я ждала маму. Но понимая, что она не вернётся из кочегарки, а отец не уйдёт на работу, старалась сидеть тихо.

– Нинка, Олежка! Быстро спать! – орал взбешённый отец.

Мы разделись и молча залезли под одеяло.

Через несколько минут раздетый дядя Миша, едва шевеля пальцами от холода, постучал в дверь.

– Алик, открой, я замёрз!

Отец, сбросив крючок с входной двери, запустил собеседника в дом. Продолжался разговор о жизни на Севере, предательстве, смерти, плохих людях, о чести и справедливости. Следующим разбитым предметом стал эмалированный дуршлаг, он со всего маху опустился на голову дяди Миши так, что эмаль отскочила и появилась чёрная металлическая впадина.

Затем был второй удар нашей пластиковой польской табуреткой, угол которой погнулся и отвалился. Сосед снова повалился на пол, тяжело вздыхая.

– Олег! – приказал папа, – подойди сюда!

Брат вышел из комнаты, щурясь и потирая кулаками глаза.

– Видишь, подонок лежит? Бей его!

– Папа, я не могу…

– Бей, сказал! Слабых надо добивать! Пинай его!

Олег со всей силы пнул дядю Мишу под ребро. Тот дёрнулся и застонал.

– Ещё пни, Олежка! – орал разъярённый папа.

Олег пинал лежащего пьяного соседа куда придётся, но тот уже не реагировал, а лишь тихо мычал.

– Всё, сынок, иди спать. Я сам разберусь.

Олег молча пошёл в кровать. Бедолагу отец за ноги вытащил на крыльцо, раздетого и пьяного. Тот кое-как поднялся, потоптался немного, постучал в окно и, не услышав ответа, сел на крыльцо, навалившись спиной к бревенчатой стене. Разбитыми руками подпёр окровавленную голову, и так просидел до утра…

Утром его увидела мама, возвращавшаяся с ночной смены из кочегарки, и сначала не поняла, почему раздетый сосед сидит на крыльце.

– Миша, встань, зайди в дом, мороз же! – позвала его мама и, спустя секунду поняла весь ужас увиденного.

– Алик! Там Миша мёртвый! Алик! Вставай! – трясла лежащего за столом отца мама.

Но папе было всё равно. Он был прав всегда. Сильные выживут. Слабые – нет.

Эта ночь была последней ночью ужасов в нашем доме.

По посёлку пошла молва: «Северяне – убийцы!»

– Папочка, любименький, родной! – с любовью говорила я отцу. – Я тебя буду ждать! Я тебя не забуду! Ты вернёшься, и мы снова будем вместе. Только возвращайся побыстрее!

– Нинка, – отвечал отец, держа меня за руки, – я ни в чём не виноват. Я защищал вас. И всегда буду вас защищать. Я обязательно вернусь к вам, только ждите меня, дети! Ты моя кровь и плоть, ты – моя копия, и ты по закону пройдёшь все семь адовых кругов, которые прошёл твой отец. Поняла меня?

Я молча кивала.

– Олежка, – обращался отец к брату. – Я на тебя хоть раз руку поднял? Нет. Ни разу. Я любил тебя больше, чем родного дитя, ты остаёшься за мужчину, за главного в доме. Воспитывай Нинку как надо, она строптивая, лупи её как сидорову козу, понял?

– Хорошо, папа, я понял. – сказал Олег и вытер кулаком скатившуюся слезу.

– Лариса. Я тебе напишу. Не знаю, куда меня повезут, как прибуду на место, напишу, что нужно купить и прислать. Надеюсь на твоё благоразумие. Эх, страшно оставлять вас одних, буду писать апелляции, может сократят чуток, – и он крепко обнял маму.

Та растерянно положила голову ему на плечо и, опустив руки, неслышно заплакала…

Через минуту отца увели.

Спустя много лет я мысленно благодарю того несчастного дядю Мишу за посланную ценой своей жизни свободу и спокойствие нашей семьи.

Новый дом

Первое время мы никак не могли привыкнуть к тому, что отца с нами больше нет. Казалось, откроется дверь, и папа зайдёт в дом, наклонив голову в дверном проёме. Он ушёл от нас, но присутствие его оставалось. Об этом говорило всё: описанные матрасы, ночные кошмары и боязнь темноты.

– Она там сидит! – залезая к нам с мамой в постель, тихо шептал Олег.

– Кто она? – сонным голосом спрашивала мама.

– Она! Чёрная женщина. Сидит и смотрит на меня. Вот так, – и показывал, пристально всматриваясь сквозь ночную тьму в мамины глаза, наклонив над ней голову.

– Нина, подвинься, Олег с нами ляжет, – говорила мама, пододвигая меня к себе.

Становилось тесно, тепло и совсем уже не страшно.

Утром Олег показывал на стул, на спинке которого лежала куча сухих простыней, снятых с бельевой верёвки.

– Вот здесь она сидела и смотрела на меня! Я её точно видел.

– Олег, это тень, это просто очертания стула с бельём, вот и всё! Нет у нас никакой чужой женщины, только мы втроём, понимаешь?

Я сплю. Очень хочу писать. Тихо поднимаюсь, переползаю через маму осторожно, чтобы её не разбудить. Иду на кухню, сажусь на тёплый горшок… и писаю… Хорошо! Но мокро…

Резко просыпаюсь тогда, когда подо мной растекается огромная тёплая лужа. Я снова описалась. Переползаю через сонную маму, беру толстое махровое полотенце, расстилаю его поверх простыни, и снова сладко засыпаю. Утром высушим…

Мама нас с братом не ругала за мокрые матрасы, она понимала, что в семь и двенадцать лет мы это делаем не просто так, и что пройдёт время, всё обязательно наладиться, нужно только подождать… И сушить матрас. Он после просушки походил на ту географическую карту с жёлтыми очертаниями, которую когда-то папа разложил на столе и на которой показал то прекрасное место на земле, где мы остались одни…

Наступила алтайская весна, самая настоящая, с ручьями и капанием сосулек с крыш, ярким тёплым солнцем и громким пением птиц! На улице запахло свежеспиленной древесиной, это соседям привезли целую машину берёзовых стволов. Они лежали в ряд, стройные и красивые, а вокруг, около распиленных чурок, кучки мягких жёлтых опилок. Я подходила к опилкам и вдыхала этот аромат весенней берёзовой свежести. Мы встречали новую весну семьдесят восьмого года!

Хорошей новостью стало то, что нам наконец-то дали новый дом! Новым, конечно, его сложно было назвать, но он был гораздо больше, с просторной верандой, кухней и комнатой. Это был четырёхквартирный барак у самого леса, таких бараков на Школьной улице было несколько; они выстроились в ряд по двум сторонам от дороги. Запах сырости стоял и в этом доме. Однажды, когда мама мыла полы, прямо с потолка ей на спину свалился огромный кусок штукатурки. Она громко вскрикнула и, держа в руках половую тряпку, упала на мокрые доски.

– Олежка! Залезь на чердак! – заплаканным голосом сказала она. – Там с крыши капает, хоть тазик подставь, это же невозможно, если так весь потолок обвалится!

Оказывается, крыша протекала сразу в нескольких местах. Повсюду брат расставил тазы и вёдра, и мы выливали их после каждого дождя.

На кухню специально для Олега мама купила большую металлическую кровать с панцирной сеткой и блестящими спинками, она стояла напротив печи новенькая, с только что купленным ватным матрасом. Олег был счастлив! Он лежал на кровати, положив одну ногу на другую, скрестив руки как король, и сиял от радости!

– Нинка, на мою кровать не смей залезать, поняла? – предупредил хозяин, и с гордостью добавил:

– Всю стенку оклею открытками. Повешу полки и буду коллекционировать сувениры.

Действительно, не прошло и месяца, как на стене появилась огромная деревянная полка, на которой Олег выставлял всё, что находил, покупал или привозил со школьных экскурсий. Основу коллекции представляли поделки местного леспромхоза: резные рыбки, пиалы, деревянные ложки с медведями, разнообразные бочонки для мёда. В восьмидесятом году, в год московской олимпиады, на стене появились разные медведи с олимпийским поясом и пятью кольцами. Я рассматривала коллекцию брата с большим удовольствием, каждый раз находя всё новые сувениры.

– Нинка, руками не брать! – говорил Олег. – Уронишь и разобьёшь, кто потом клеить будет?

Я кивала головой, но когда брата не было дома, все поделки крутила в руках, нюхала каждую вещицу. Они пахли лаком и древесиной, это был непередаваемый аромат! Ещё водила домой целые делегации подружек посмотреть на выставку поделок брата.

– Вот, девчонки, смотрите, это Олег коллекционирует. Только чур руками не трогать! Что если уроните и разобьёте, кто клеить потом будет?

На стене появилось множество ярких открыток с любимыми артистами. Они смотрели на нас со стены улыбчивым или грустным взглядом, и всякий раз, всматриваясь подолгу в каждого артиста, я всё больше восхищалась ими.

Наталья Андрейченко, молодая, с гладко зачёсанными волосами, собранными в хвост, Олег Янковский с внимательным лукавым взглядом, Александр Абдулов, Игорь Костолевский, Владимир Высоцкий – они были такими близкими!

– Олег, как здорово ты придумал, что расклеил открытки на стене! – радовалась я. – Не надо их доставать, обратно складывать, можно просто смотреть, сколько хочешь!

Ещё через некоторое время на стене появилась очень необычная и загадочная картина – портрет незнакомки. Это была молодая девушка, проезжающая в открытой карете. Одета в чёрные одежды и чёрную шляпку с перьями. Красивая, царственная и далёкая, она смотрела на меня таинственным грустным взглядом всегда, в каком углу кухни я бы не находилась, и это меня очень волновало.

– Олег, она всегда смотрит на меня!

– Конечно! Она следит за тобой пока меня нет, а потом мне рассказывает, что ты опять натворила! – смеялся брат.

Но мне было не до смеха. Убирать картину он не собирался, и единственным выходом было не смотреть на неё самой.

– Олег, я попросила соседа, местного плотника, он починит ножки на нашей кровати, сказала мама. – Правда, родные ножки уже не прикрутить на место. Он из досок смастерит большие подставки, и кровать снова будет, как прежде.

– Да я и сам смогу! – возразил Олег. – Зачем соседей просить? Мне уже скоро двенадцать лет, мама!

Мама с улыбкой вздыхала. Да, дети росли, Олег сам колол тяжёлым топором поленья на мелкие части, мы вместе носили их и складывали аккуратно в поленницу – дров нужно много заготовить!

– Дети, – как-то вечером сказала мама, – мне предложили работу на турбазе на летний сезон в киоск Союзпечати, не могу я больше кочегаром работать. Что скажете?

– Конечно, мам, иди. Я, может, тоже где-нибудь подработку найду, – соглашался брат. – На турбазе интересно, людей много приезжает, только как добираться будешь?

– Не знаю ещё, – задумалась мама.

Теплоходы

Так мама летом стала работать на турбазе «Золотое Озеро», и началась очень интересная жизнь!

Каждое утро, наспех надев платье и повязав на голову платок, она быстро выбегала из дома к причалу, где специально ждал рабочих на берегу маленький пузатый бот – лодка на моторном двигателе с брезентовой крышей. Он наполнялся людьми, те рассаживались на лавки по обеим сторонам. Бот с шумом заводился и важно шёл по озеру от посёлка к турбазе, слегка покачиваясь на прозрачной озёрной глади.

Утром Олег проснулся, потягиваясь в постели, и сказал:

– Сегодня к мамке пойдём, я недавно с интересным москвичом познакомился, Вовой Сорокиным, хочу встретиться с ним. Мало ли, может быть, потом в Москву уеду, когда вырасту…

Повод бежать на турбазу «Золотое Озеро» и «Медвежонок» всегда был: во-первых, там работала наша мама, и я всегда могла отдохнуть у неё в тесном киоске, сидя в уголке и рассматривая открытки, газеты и журналы «Огонёк», «Смена», «Пионерская правда», «Комсомольская правда», «Советский экран». Во-вторых, рядом жила моя новая подружка Светка Смирнова, красивая худенькая девчонка с русыми короткими волосами и озорной улыбкой, она всегда с нетерпением ждала меня. Её семья жила в красивом добротном доме с мансардой, на которой мы играли в куклы: одевали их, укладывали в постельки, накрывая стёганными одеялами. В доме Светы царила абсолютно другая, счастливая семейная атмосфера: мама, тётя Люда, готовила на летней кухне обед, а потом громко звала нас за стол. Моя любимая жареная картошка с поджарками! Мы наперегонки, съедая со сковородки картошку, ложками скоблили по дну, собирая остатки. К вечеру приходил с работы отец, дядя Володя, механик туристического теплохода, громко смеялся, рассказывая нам смешные истории, и мы снова убегали играть.

– Нинка, побежали на турбазу «Медвежонок». Там в клетке настоящий медведь сидит! – звала меня Светка. – Его туристы сгущёнкой кормят, представляешь? Кругом банки валяются.

И действительно, посреди площадки была сооружена большая клетка, в которой лежал, свернувшись клубком, маленький медвежонок. В местном музее нам сказали, что его мать застрелили браконьеры, а бедолагу пришлось поместить в клетку и кормить, чтобы тот не умер от голода. Мы крутились вокруг клетки, стараясь разглядеть его как можно лучше, но малыш не обращал на нас внимания.

К вечеру Светка убегала домой, а мы с мамой на пристани садились в маленький бот и под привычный запах солярки от работающего мотора возвращались на другой берег озера, в родной Иогач.

– Мама, я с капитаном катера познакомился! – хвастался брат. – Он обещал нас с пацанами в плавание до Яйлю взять. Там старые яблочные сады, в августе столько яблок поспевает, люди их мешками собирают. А если повезёт, то и до самого Корбу. Люди говорят, такой огромный водопадище!

– А меня возьмёшь? – интересовалась я.

– Как себя вести будешь, может, и возьму.

На следующее утро мы втроём переправлялись через озеро в шумном боте. Мама пошла в киоск, а мы с Олегом и его дружком Женькой стояли на пристани и строили планы на день.

– Мы с Женькой в горы пойдём за шишками, а после обеда на катамаранах покатаемся. А ты куда?

– Я к Светке! Потом придумаем что-нибудь. Может, с дядей Володей на теплоходе поплывём!

В то время по Телецкому озеру ходили два теплохода, «Яков Беляев» и «Пионер Алтая», комфортабельные двухпалубные белоснежные красавцы. С утра они, стоя у пристани, наполнялись туристами, целый день шли до самого истока озера к устью реки Чулышман, а к вечеру возвращались на турбазу.

Утро выдалось прохладным и туманным. Сквозь дымку раздался громкий гудок теплохода, и многочисленные туристы в брезентовых куртках и плащах стали по трапу друг за другом заходить на палубу.

– Олег, я замёрзла! У меня зуб на зуб не попадает! – ныла я, обхватывая ладонями свои голые плечи. – Давай зайдём внутрь, погреемся немножко, и сразу выскочим!

– Женька, слышишь, пошли, – позвал брат. – И то верно, согреемся чуток, заодно пробежимся по палубам!

Мы быстро перебежали по узкому трапу на нижнюю палубу и зашли в тёплую каюту. Сколько пассажиров вместил теплоход! Туристы переходили с одной палубы на другую, носовая часть была полна людей. Я услышала едва различимую, непонятную мне речь молодого длинноволосого кудрявого человека в очках и пожилой женщины.

– Олег – прошептала я, – о чём они говорят? Я чего-то не пойму.

– А я почём знаю? Спрашиваешь тоже! Ясно же – это иностранцы. Может, они американцы, а может, и немцы!

– Немцы? Мы же их выгнали! А они опять припёрлись? Ух, фашисты! – стиснув кулаки, прошипела я. – Олег! Посмотри, там бутерброды едят, вот бы нам хоть один…

– Иди да попроси, тебе точно дадут. Ты маленькая.

Я подошла к туристам и встала напротив, слегка открыв рот от любопытства.

– Тебе чего? – с набитым ртом спросил толстый мальчишка в шерстяной олимпийке и сдвинутой в сторону кепке.

– Ничего… – тихо ответила я. А вы откуда?

– Из Кемерово. Держи, – ответил его отец, протягивая мне бутерброд. – А ты, видать, местная? Сразу видно, сибирячка, с голыми руками плыть собралась.

– Нет, мы не плыть, мы погреться! – весело ответила я, сжимая бутерброд. – Мы с братом тут греемся, у нас мама в киоске работает, мы к ней сейчас побежим.

– Видно, не побежите уже, вон как далеко отплыли.

– Как? – с ужасом воскликнула я и ринулась к ребятам.

Те спокойно стояли на корме и смотрели в глубину озера сквозь прозрачную воду.

– Ладно, Нинка, вечером вернёмся. На вот, согрейся, – протянул мне свитер брат. – Как-нибудь без еды перебьёмся.

– Я бутерброд принесла. Ещё пойду, может кто угостит.

Так плыли мы целый день, попрошайничая хлеб и печенье у туристов и с удивлением рассматривая необычайные красоты берегов. Обрывистые ущелья, заливы, пещеры, красивейшие бухты – мы не успевали перебегать с одной палубы на другую. Сколько легенд о нашем крае узнали мы в тот день!

Давным-давно на Алтае был страшный голод, люди умирали мучительной смертью. Однажды один крестьянин, копая землю в своем огороде, нашёл слиток золота, по форме напоминающий лошадиную голову. Возрадовался крестьянин, решил он это золото выменять на хлеб или мясо, чтобы его семья не умерла с голоду. Только не получилось у него ничего, потому что у людей не было уже ни зерна, ни мяса. Это золото оказалось никому не нужным. В страшной тоске и горе забрался крестьянин на самую высокую гору, вокруг которой было озеро, и бросил тот слиток в воду. С тех пор зовется это озеро – Алтын-Коль. Золотое озеро.

Впервые увидели тогда мы красивейшее место на земле – водопад Корбу! Вода с шумом падала с огромной высоты, ударяя о встречающиеся на пути камни и разлетаясь в разные стороны миллионами разноцветных брызг. Мы, открыв рты, смотрели на великолепие природы

и не могли поверить своим глазам! Вот она – первозданная природа Алтайского заповедника! Мы, маленькие дети с далёкого Севера, стоя на белых камнях, не осознавали своей причастности к дикой красоте этих мест.

На обратном пути Олег попросил одного из туристов сфотографировать нас на память.

– Ребята, куда фотографию-то прислать? – удивлённо спросил фотограф.

– А вы в киоск на турбазу пришлите, нашей маме, только напишите: Моськиной Ларисе Васильевне, – уточнил брат.

Вечером, голодные, мокрые, трясущиеся от холода, мы с Олегом зашли в дом.

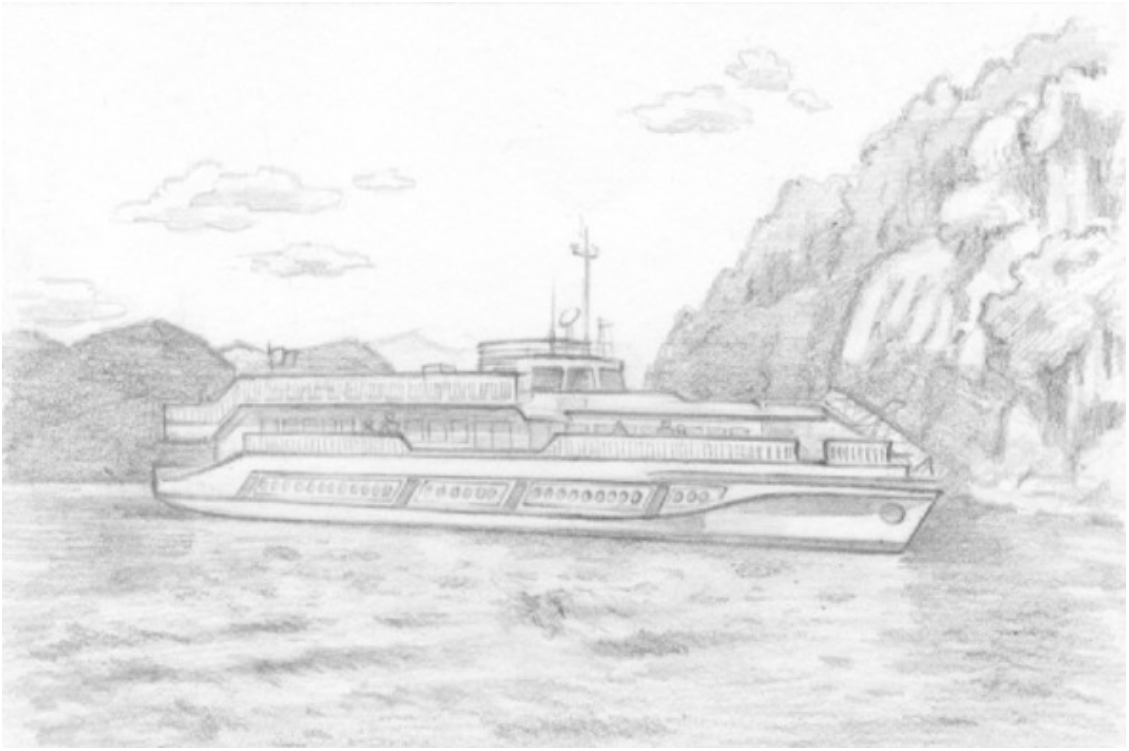
– Слава богу! Вернулись! Где вы были? – радостно, но строго спросила мама.

– Мама, мы на теплоходе плыли! С туристами! Мы столько видели! – наперебой рассказывали мы.

– Ладно, туристы, садитесь есть и живо в постель! Чтобы больше никуда не плавали! – с улыбкой сказала мама и налила нам полную миску горячей ухи.

Мы ели уху вприкуску с ржаным хлебом с маслом и мычали от удовольствия. Затем мама принесла огромный таз, налила тёплой воды, мы с Олегом опустили ноги и весело мыли их мылом.

– Мама, он так шумит… – сквозь сон бормотала я и спустя минуту провалилась куда-то в томную пучину детского блаженного сна, представляя себя стоящей на тёплых камнях среди разноцветного веера брызг шумного водопада Алтайского заповедника. На берегу ждал меня белоснежный теплоход «Пионер Алтая», на котором дядя Володя, стоя за штурвалом вместе со Светкой махали мне руками и весело смеялись…

Деньги

Смотрю на маму – как она смогла столько вытерпеть? Одна, с двумя маленькими детьми проехать из одного конца страны, из Мурманска, на другой, юг Западной Сибири. Доверившись мужу, остаться без него, работать и день, и ночь, чтобы прокормить нас, двух подросших детей! Вспоминаю как она, тридцатипятилетняя женщина, работала в киоске на туристической базе «Золотое Озеро», помню запах газет и журналов, я часто прибегала к ней на работу через два поселка с желанием купить жевательную резинку или мороженое. Мама деньги нам с братом не давала, говорила, что денег у нас нет. При этом я всегда почему-то злилась, передразнивая:

– Денет у нас нет! А я хочу! Хочу куклу! Хочу свитер новый, а не за Олегом донашивать коричневый! Хочу прическу как у Лариски Трудовой «Олимпия» за рубль семьдесят, а не мою «Молодежную» за сорок копеек! Вообще моя мечта, если говорить о волосах, была причёска Марий Матьё, о ней тогда многие мечтали. А как я била ногами перед прилавком нашего сельмага и кричала:

– Вон ту куклу!

Мама спокойно говорила:

– У нас денег нет, Нина. Напиши письмо в Мурманск тёте Тосе. Она, может быть, пришлет.

И спокойно выходила из магазина…

Я решила заработать. Спросите, как? Как семилетняя девочка может заработать деньги? Просто! Я доставала монеты из озера, которые туда с желанием вернуться бросали иностранные и советские туристы. Не понимая, какие монеты, доставала все подряд, ржавые и новенькие, одно-, двух- и пятикопеечные, десяти, пятнадцати и если повезёт – двадцати копеечные. Серебряные! Стоя то на одной, то на другой ноге в ледяном озере, я всматривалась в камни сквозь призму прозрачной ряби воды, закатывала рукава и быстро поднимала монетку со дна. Выбегая на берег, отогревала ноги, и снова в воду! Тяжёлый у меня был труд – деньги доставать, и все зависело от моего терпения: чем дольше потерплю, тем больше монеток достану. Итог моей работы – горсть копеек разного цвета и номинала, и вот я уже у мамы в киоске обмениваю ржавые на новенькие и бегу в магазин за сладостями!

Мой брат тоже зарабатывал деньги – сбивал в лесу кедровые шишки. Набрав с полмешка даров леса, на турбазе продавал их туристам по пять копеек за штуку. А какие дорогие были варёные шишки! Собрав ведро, разводил на улице костёр и долго варил их. Какой аромат стоял вокруг! Шишки становились пухлые, сиреневые, орехи мягкие и сочные, да и цена возрастала до десяти копеек. Однажды Олег взял меня на заработки, сказав:

– Нинка, я полезу на кедр с палкой, буду стучать по веткам, а ты собирай шишки в мешок.

И полез наверх, ловко переползая с ветки на ветку, сбивая кедами кору дерева. Я очень боялась за брата, старалась не смотреть наверх, чтобы, если он упадет, не видеть этого ужаса.

Всё заканчивалось благополучно, мы довольные и уставшие пёрли мешок домой.

Не помню, куда тратил деньги брат в свои тринадцать лет, наверно, отдавал маме; развлечений в посёлке было немного: кино по праздникам за десять копеек да изредка мороженое, на которое, когда его привозила машина, слетались полпосёлка детей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.